

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 111.1:141.144

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-3-97>

ПОТРЕБНОСТЬ МЕЖДУ ФАКТИЧНОСТЬЮ И НОРМАТИВНОСТЬЮ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО НЕОКАНТИАНСТВА

Е. Ю. Алейникова

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия
e-mail: 87053199508@mail.ru

В. Н. Белов

Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия
e-mail: belovvn@rambler.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью философского прояснения статуса потребности в условиях современного междисциплинарного дискурса, в котором она нередко редуцируется к эмпирическому состоянию нехватки или дефицита, что оказывается недостаточным для её онтологического осмысления. Целью статьи является анализ философского статуса потребности в контексте различения фактичности и нормативности, получившего систематическое выражение в кантовской философии и дальнейшее развитие в немецком и русском неокантианстве. Методологическую основу исследования составляют историко-философская реконструкция неокантианской традиции в сочетании с понятийным анализом категорий фактичности и нормативности, а также сравнительный анализ немецкой и русской философских традиций. В ходе исследования обосновано, что потребность не может быть сведена исключительно к сфере эмпирической фактичности, поскольку в человеческом существовании она неизбежно включена в пространство ценностных ориентаций.

Анализ работ представителей русского неокантианства – С. И. Гессена, В. Э. Сеземана, Б. В. Яковенко и Ф. А. Степуна – позволяет выявить, что потребность функционирует как особая структура, в которой фактическая обусловленность жизни соотносится с нормативным порядком ценностей. Научная новизна исследования заключается в интерпретации потребности как пограничной категории, соединяющей фактичность и нормативность. Теоретическая значимость работы состоит в уточнении понятийного статуса потребности в рамках неокантианской философской традиции. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях по философской антропологии, аксиологии и социальной философии, а также при разработке междисциплинарных подходов к анализу человеческих потребностей.

Ключевые слова: потребность, ценность, фактичность, нормативность, аксиологический порядок, онтология, немецкое и русское неокантианство, бытие, сущее (*Seiende*), должное (*Sollen*).

Для цитирования: Алейникова Е. Ю., Белов В. Н. Потребность между фактичностью и нормативностью: онтологический анализ в контексте немецкого и русского неокантианства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 3. – С. 97–113. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-3-97>.

Original article

HUMAN NEED BETWEEN FACTICITY AND NORMATIVITY: AN ONTOLOGICAL ANALYSIS IN THE CONTEXT OF GERMAN AND RUSSIAN NEO-KANTIANISM

E. Yu. Aleinikova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia
e-mail: 87053199508@mail.ru

V. N. Belov

National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia
e-mail: belovvn@rambler.ru

Abstract. *The relevance of the study lies in the need for a philosophical clarification of the status of need within the context of contemporary interdisciplinary discourse, in which need is often reduced to an empirical state of lack or deficit, which proves insufficient for its ontological understanding. The aim of the article is to analyze the philosophical status of need within the framework of the distinction between facticity and normativity, which received systematic formulation in Kantian philosophy and further development in German and Russian Neo-Kantianism. The methodological framework of the study includes a historical-philosophical reconstruction of the Neo-Kantian tradition combined with a conceptual analysis of the categories of facticity and normativity, as well as a comparative analysis of the German and Russian philosophical traditions.*

The study demonstrates that need cannot be reduced exclusively to the sphere of empirical facticity, since in human existence it is inevitably embedded in the domain of value orientations. The analysis of the works of Russian Neo-Kantians – S. I. Hessen, V. E. Sesemann, B. V. Yakovenko, and F. A. Stepun – reveals that need functions as a specific structure of human existence in which the factual conditioning of life is correlated with the normative order of values. The scientific novelty of the study consists in the interpretation of need as a boundary category that connects facticity and normativity within the structure of the human being. The theoretical significance of the research lies in the clarification of the conceptual status of need within the Neo-Kantian philosophical tradition. The results obtained can be applied in further research in philosophical anthropology, axiology, and social philosophy, as well as in the development of interdisciplinary approaches to the analysis of human needs.

Key words: *need, value, facticity, normativity, axiological order, ontology, German and Russian Neo-Kantianism, being, the existent (Seiende), the ought (Sollen).*

Cite as: Aleinikova, E. Yu., Belov, V. N. (2026) [Human need between facticity and normativity: an ontological analysis in the context of German and Russian Neo-Kantianism]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 97–113. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-3-97>.

Введение

В современной философии в рамках проблематики онтологии и теории познания пристальное внимание уделяется вопросу о статусе потребностей и их роли в структуре человеческого существования. С одной стороны, потребность понимается как фактическая данность – как нужда, интерес, запрос, лежащий в основе поведения человека и функционирования общества, поскольку экономика, рынок, социальная политика строятся вокруг удовлетворения потребностей [50]. С другой стороны, именно через потребности формируется нормативная повестка – базовыми потребностями обосновываются права человека. Вокруг

потребностей личности выстраиваются образовательные и культурные стратегии [11], часто как столкновение неудовлетворённых потребностей интерпретируются социальные конфликты. «Потребности человека выступают внутренней детерминантой его поведения и деятельности» [44, с. 36]. Таким образом, потребность оказывается не просто эмпирическим фактом, а точкой пересечения фактического состояния человека и нормативных требований общества [31, с. 255].

Вместе с тем в философском плане остаётся неясным статус потребности как таковой: относится ли она исключительно к сфере фактичности¹ как форма эмпирической обусловленности человеческого су-

¹ Михайлов И. А. Фактичность // Новая философская энциклопедия. – URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%A4%D0%90%D0%9A%D0%A2%D0%98%D0%A7%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC (дата обращения: 04.03.2026).

существования или же в ней уже содержится момент нормативной направленности. Подобная двойственность – соединение *фактического* и *нормативного* измерений – выводит проблему потребностей на общий философский уровень, связанный с классическим различием *факта* и *нормы*, а также с фундаментальным философским вопросом о соотношении сущего и должного, получившим развитие в кантовской философской традиции и её последующей неокантианской интерпретации². При этом данное различие получает своё систематическое оформление именно в неокантианской философии, в рамках которой различие между *фактическим* и *должным* приобретает принципиальное значение: проводится различие между сферой природы и причинной обусловленности и сферой свободы и должного, не выводимого из эмпирической данности [27, с. 7].

Однако уже в конце XIX – начале XX века подобное различие становится предметом специальной разработки в неокантианстве, где проблема соотношения фактического и нормативного переносится в контекст анализа науки, культуры и ценностей. Именно в рамках этой философской традиции проблема соотношения фактичности и нормативности получает систематическое теоретическое оформление, что позволяет рассматривать человеческие потребности не только как эмпирический феномен, но и как возможную структуру их философского соотношения.

Русское же неокантианство возникает не как продолжение кантовской традиции, а как попытка переосмысления трансцендентальной философии в новых культурных и философских условиях [4, с. 3]. В этом контексте важно учитывать, что неокантианцы не стремились к буквальному следованию кантовской системе, но ориентировались на развитие её смыслового содержания. Как подчёркивает В. Н. Белов, «понять Канта – значит пойти дальше него», что выражает установку на творческое продолжение трансцендентальной философии [6, с. 13].

Марбургская школа (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, С. Гессен) сосредоточивает внимание на логике научного познания, рассматривая нормативность как внутренний принцип разума, структурирующий опыт и задающий его идеальные основания [8, с. 235], что особенно ярко проявляется в философии Г. Когена, стремившегося обосновать науку как систему чистого мышления, независимую от эмпирической данности

[49, с. 395]. В частности, у Когена нормативность понимается как продукт чистого мышления, не выводимый из эмпирической данности, что позволяет рассматривать её как принцип, конституирующий опыт, а не как результат обобщения фактов [20, с. 47]. П. Наторп, в свою очередь, рассматривал познание как процесс конституирования объекта в сознании, что подчёркивает активную роль разума в формировании опыта и позволяет рассматривать нормативность как внутренний принцип этого процесса [28, с. 80].

В свою очередь, Баденская школа (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) выдвигает на первый план аксиологическое измерение, утверждая автономию нормативного порядка по отношению к эмпирической действительности [37, с. 87–88].

В русской неокантианской традиции данная проблематика получает дальнейшее развитие, но уже в ином, а именно, культурно-историческом контексте. Если немецкие неокантианские школы стремились к систематическому обоснованию различия факта и ценности в структуре науки и культуры [32, с. 35], то русские мыслители-неокантианцы смещают акцент к проблеме личности, права и исторической ответственности [45, с. 48], что позволяет рассматривать русское неокантианство как направление, ориентированное не только на методологию познания, но и на анализ культурного и личностного измерения человеческого существования [5, с. 93]. Для русских неокантианцев различие *фактичности* и *нормативности* перестаёт быть исключительно логико-методологическим принципом, но приобретает экзистенциальное измерение.

В этом контексте особое значение приобретают идеи свободы, автономии и культуры личности, нашедшие отражение в работах С. И. Гессена, В. Э. Сеземана, Б. В. Яковенко, Ф. А. Степуна и др. [13, с. 704]. Тем самым русское неокантианство задаёт пространство, в котором проблема соотношения *фактичности* и *нормативности* приобретает онтологическую остроту, что позволяет поставить вопрос о потребности как возможной структуре их соотношения и рассматривать её не только как эмпирическое состояние, но и как форму включённости человека в нормативный порядок культуры.

В немецкой философской традиции, начиная с кантовской философии, различие *фактичности* и *нормативности* получает систематическое выра-

² Кантовская философская традиция восходит к критической философии И. Канта, сформировавшейся во второй половине XVIII века и получившей классическое выражение в его основных трудах: «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790). В рамках этой традиции проводится принципиальное различие между сферой природы (фактического, подчинённого причинности) и сферой свободы и должного, что стало одной из ключевых проблем последующей философии, в том числе неокантианства конца XIX – начала XX века. // Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – 591 с. – С. 8–10. // Кант И. Критика практического разума. – М.: Мысль, 1994. – 528 с. – С. 7–12.

жение в разработке проблемы соотношения *сущего* и *должного*. В частности, в правовой философии данное различие проявляется в противопоставлении нормативного понимания права и его трактовки как фактического социального порядка [33, с. 17]. Подобная постановка вопроса выявляет фундаментальную философскую проблему соотношения эмпирической данности и нормативного смысла.

Интересными становятся понятия, находящиеся на границе фактичности и нормативности, и к их числу может быть отнесено и понятие *потребности*, которое не сводится ни к эмпирическому факту, ни к ценностному или нормативному определению, поэтому для дальнейшего определения статуса *потребности* принципиальное значение приобретает выявление определенного ряда характерных черт *фактического* и *нормативного*.

Понятие «*потребность*»³ широко используется в гуманитарных науках для обозначения внутренней необходимости индивида в определённых условиях его существования, однако в отличие от фундаментальных категорий философии, оно не имеет строго закреплённого категориального статуса и чаще выступает как аналитическое понятие, применяемое для описания мотивационных и ценностных структур человеческой деятельности. Между тем в современной теоретической и общественной практике потребность нередко подменяется *ценностью*⁴ или выступает основанием, обосновывающим эту ценность, что требует строгого разграничения этих двух понятий, поскольку ценность выступает ориентиром оценки, тогда как потребность изначально характеризует состояние зависимости и обусловленности.

В настоящем исследовании понятие ценности используется не в обыденном и не в педагогико-психологическом смысле как обозначение того, что является «важным» или «значимым» для отдельного субъекта, а в собственно аксиологическом значении. В рамках баденского неокантианства ценность мыслится не как эмпирический факт, психологическое переживание или индивидуальное предпочтение, а как надсубъективный принцип значимости, задающий возможность оценки фактической действительности. Таким образом, потребность в статье не отождествляется с ценностью: она возникает из фактической зависимости человека от условий существования, однако в человеческой жизни оказывается

соотнесённой с нормативным порядком ценностей.

Авторами предпринимается попытка прояснить философский статус потребности в контексте различения фактичности и нормативности, получившего систематическое выражение в кантовской философии и дальнейшее развитие в немецком и русском неокантианстве. В этой связи выдвигается положение о том, что потребность не сводится ни к сфере эмпирической фактичности, ни к нормативному порядку ценностей, но может быть рассмотрена как пограничная онтологическая структура, через которую фактичность человеческого существования соотносится с нормативным порядком ценностей. Научная новизна исследования состоит в уточнении философского статуса понятия потребности в рамках неокантианской проблематики соотношения сущего (*Seiende*) и должного (*Sollen*). Методологическую основу исследования составляет историко-философская реконструкция неокантианской традиции в сочетании с понятийным анализом категорий фактичности и нормативности. В работе применяется сравнительный подход к немецкому и русскому неокантианству.

Фактичность потребности в структуре человеческого бытия

Для прояснения философского статуса потребности необходимо прежде обратиться к анализу понятия «фактичность», поскольку феномен потребности возникает именно в сфере фактической обусловленности существования человека. В философской традиции фактичность понимается как данность существования, как то, что присутствует в опыте независимо от нормативных или ценностных установок. В этом смысле фактичность обозначает сферу того, что существует как данность бытия и противопоставляется нормативному порядку должного⁵. Это позволяет поставить вопрос о том, может ли потребность быть понята как структура, через которую фактическое состояние жизни соотносится с её нормативным измерением. Возникая из зависимости человека от условий своего существования, потребность одновременно указывает на возможные способы преодоления состояния нехватки. Именно в этом проявляется особенность потребности: возникая в сфере фактической обусловленности существования, она одновременно открывает возможность соотнесения жизни с нормативным измерением.

³ Русский государственный язык: словарь-справочник / Санкт-Петербургский государственный университет. – URL: <https://rus-gos.spbu.ru/index.php/words/show/12728> (дата обращения: 04.03.2026).

⁴ Ценность: словарная статья / GUFO. – URL: <https://gufo.me/search?term=ценность> (дата обращения: 04.03.2026).

⁵ Михайлов И. А. Фактичность – Новая философская энциклопедия. – URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/ФАКТИЧНОСТЬ (дата обращения: 04.03.2026).

В немецкой философии, особенно в кантовской и неокантианской традиции, различие фактичности и нормативности получает систематическое выражение в противопоставлении сущего (Seiende) и должного (Sollen). В этом контексте фактичность понимается как способ наличного бытия⁶ человека, включённого в порядок причинной обусловленности и ограниченного условиями конечного существования. Речь идёт не просто о совокупности фактов, а о модусе бытия, в котором человеческое существование обнаруживает свою зависимость от условий, не им самим положенных [43, с. 159]. Фактичность выражает данность, предзаданность и обусловленность, составляющие исходный горизонт присутствия человека в мире. В этой перспективе потребность выступает как структурное выражение фактичности. Она свидетельствует о том, что человеческое бытие не является самодостаточным: оно нуждается в восполнении, поддержании, соотношении с внешними условиями, то есть потребность фиксирует момент нехватки, дефицита, ограниченности, тем самым указывая на зависимость человека от них. В данном измерении она принадлежит эмпирической сфере и может быть описана как феномен, возникающий в пределах природно-причинного порядка. Однако уже на этом уровне обнаруживается принципиальный вопрос: исчерпывается ли смысл потребности её принадлежностью к фактичности?

Если понимать её исключительно как реакцию на дефицит или как форму адаптации к условиям среды, то она остаётся в пределах природной детерминации. Между тем человеческое существование отличается тем, что даже в состоянии зависимости оно способно соотносить себя с иным порядком – порядком должного [17, с. 32]. Подобное утверждение требует анализа и позволяет поставить вопрос о возможном выходе потребности за пределы чистой фактичности.

Обратимся к кантовской философии, где потребности рассматриваются как проявления чувственной природы человека, в отличие от автономного порядка практического разума⁷ [21, с. 148]. В этом смысле потребность указывает на связь человека с миром и его зависимость от внешних обстоятельств, демонстрируя её принадлежность к определенному порядку явлений, поэтому её первоначальный философский

анализ неизбежно связан с рассмотрением *фактичности человеческого бытия*, проявляющейся в *несамодостаточности* человека, то есть зависимости от множества условий, лежащих вне его воли. В классической философской традиции подобные состояния рассматриваются как принадлежащие сфере фактического существования.

У Канта же потребности рассматриваются как проявления природной стороны человека, связанной с его чувственностью и эмпирическим бытием [17; 18] – то есть потребность обуславливается природной необходимостью и принадлежит порядку явлений⁸. Однако человеческие потребности связаны с осмыслением целей, способов и форм их удовлетворения [46, с. 520; 22, с. 82].

Потребности, на наш взгляд, неизбежно включаются в пространство культурных значений и социальных практик. В этой связи показательна позиция Э. Кассирера, согласно которой человеческое существование опосредовано символическими формами культуры, а базовые формы активности получают смысловое оформление [19, с. 47]. То, что признаётся необходимым или значимым, определяется не только биологическими условиями, но и системой ценностных ориентаций, в рамках которых человек осмысляет свою жизнь. Следовательно, потребность перестаёт быть лишь эмпирическим фактом и начинает соотноситься с нормативным измерением существования, оказывается включённой в пространство смысловой интерпретации, где фактическое состояние жизни соотносится с представлениями о должном [42, с. 260]. Тем самым она обнаруживает пограничный характер, что требует обращения к рассмотрению структуры потребности как философского понятия.

Структура потребности не сводится лишь к фиксации нехватки или дефицита, так как потребность предполагает определённую направленность, обладает динамическим характером и выступает одной из форм ориентации человеческой деятельности. На протяжении столетий даже те потребности, которые имеют природное основание, реализуются в культурно обусловленных формах. Человек осмысляет свои потребности, соотносит их с системой ценностных ориентиров и тем самым включает их в простран-

⁶ Наличное бытие (нем. *Dasein*) – философский термин, используемый в немецкой философской традиции для обозначения бытия, данного в конкретных условиях существования. В классической немецкой философии, прежде всего у Г. В. Ф. Гегеля, *Dasein* обозначает определённое наличное бытие как стадию развития бытия. В философии М. Хайдеггера термин приобретает иное значение и используется для обозначения специфического способа бытия человека как присутствия в мире. (*Примечание авторов*).

⁷ Практический разум – понятие кантовской философии, обозначающее способность разума определять волю независимо от эмпирических склонностей посредством морального закона и тем самым устанавливать порядок должного. (*Примечание авторов*).

⁸ В учении Иммануила Канта порядок явлений (объектов, как они даны в опыте) устанавливается с помощью априорных форм восприятия и категорий рассудка. Кант утверждал, что мир «как он есть сам по себе» не может быть объектом знания – только мир, как он структурирован для субъекта. // Кант И. Критика чистого разума. – М.: Академический проект, 2020. – 567 с.

во общих культурных значений [23, с. 72]. В результате потребность оказывается связанной не только с фактической обусловленностью человеческого существования, но и с его смысловой направленностью [46, с. 153]. Следовательно, потребность не может быть понята исключительно как эмпирический факт или природное состояние. Она представляет собой особую структуру бытия, в которой соединяются зависимость индивида от условий жизни и его тяготение к возможным формам их преодоления. В этом проявляется её пограничный характер, поскольку именно через неё фактическое состояние бытия соотносится с возможностью его изменения. Тем самым приведённый выше анализ фактичности позволяет уточнить исходное положение: потребность возникает в сфере фактической обусловленности существования, однако её структура не исчерпывается исключительно данным измерением.

Ценностно-нормативная природа должного

Для дальнейшего прояснения статуса понятия потребности в его ценностно-нормативном измерении необходимо обратиться к философской проблеме соотношения *сущего* и *должного*, получившей систематическое осмысление в философии Нового времени [41, с. 128]. В кантовской философии данное различие было разработано особенно отчётливо, и можно увидеть принципиальное *разграничение между сферой фактического существования и сферой* нормативных принципов. Если *сущее* относится к порядку природной необходимости и описывает то, что есть в действительности, то *должное* выражает требования разума и указывает на то, каким образом человек должен поступать независимо от эмпирических условий [39, с. 108]. Тем самым противопоставление сущего и должного фиксирует фундаментальное различие между миром фактов и миром нормативных принципов.

В кантовской системе это различие связано с разграничением *природы* и *свободы*. Мир природы подчинён причинной обусловленности и описывается законами, действующими независимо от человеческой воли. Напротив, сфера практического разума связана с автономией субъекта и выражает порядок норм, которые не выводятся из эмпирических фактов. Моральный закон, формулируемый в категорическом императиве, не описывает фактическое состояние вещей, а предписывает форму действия, которая должна быть признана разумным существом независимо от его склонностей и интересов [27, с. 10]. Как подчёркивает И. Кант, моральный закон не выводится из опыта, а имеет априорный характер и выражает требование разума, независимое от эмпирических условий [17, с. 45]. В этом смысле должное обладает особым ста-

тусом: оно не является фактом действительности, но представляет собой нормативный принцип, который ориентирует человеческое действие.

Различие сущего и должного получает дальнейшее развитие в неокантианской философии, где оно приобретает систематическое значение для анализа науки, культуры и ценностей. В баденской школе неокантианства понятие ценности получает собственно философский, а не эмпирико-психологический статус. В Виндельбанд и Г. Риккерт исходят из того, что ценности не могут быть выведены из фактов и не являются свойствами вещей, данных в опыте. Они выступают как надсубъективные основания значимости, благодаря которым фактическая действительность может быть осмыслена как культурно и исторически значимая [9, с. 321; 37, с. 89–90]. Таким образом, ценность в данном контексте не совпадает с потребностью, интересом или субъективным предпочтением. Если потребность выражает зависимость человека от условий существования, то ценность задаёт горизонт оценки, в свете которого эти условия приобретают смысл. Именно это различие позволяет избежать смешения потребности и ценности и одновременно показать, каким образом потребность может быть соотнесена с нормативным порядком ценностей, не превращаясь при этом в самостоятельную ценность.

В настоящем исследовании выражение «нормативный порядок ценностей» используется в строго аксиологическом смысле. Под ним понимается не совокупность субъективных предпочтений, не эмпирическая иерархия желаний и не социально-психологическое представление о значимом, а такой порядок надсубъективных ценностных ориентиров, который не выводится из фактов, но задаёт возможность их оценки и смыслового осмысления. В этом отношении нормативный порядок ценностей связан с неокантианским различием сущего и должного: фактическая действительность описывает то, что есть, тогда как ценности задают горизонт того, в свете чего человеческие действия, культурные формы и жизненные состояния получают нормативную значимость. Таким образом, потребность не отождествляется с ценностью и не превращается в самостоятельный нормативный принцип, но выступает той структурой, через которую фактическая обусловленность человеческого существования оказывается соотнесённой с нормативным порядком ценностей.

Таким образом, в классической философской традиции различие сущего и должного фиксирует автономии нормативного порядка по отношению к сфере эмпирической действительности [41, с. 130]. *Факты* описывают то, что *существует*, тогда как *нормы* не-

умолимо указывают на то, что *должно быть* независимо от обстоятельств [39, с. 110]. Подобное различие имеет принципиальное значение для философского анализа, поскольку позволяет отделить сферу природной обусловленности и область ценностей от нормативных требований человеческого бытия.

Именно здесь, в этом пограничном пространстве и обнаруживается феномен потребности. Каким же образом потребность может соотноситься с нормой, не превращаясь при этом ни в ценность, ни в моральный принцип? Для того чтобы ответить на данный вопрос, рассмотрим природу нормативности как особого *ценностно-нормативного порядка*, в рамках которого *ценности* требуют отдельной характеристики. Они понимаются не как психологические предпочтения или социальные факты, а как идеальные основания оценки и осмысления действительности [29, с. 37], что позволяет рассматривать нормативность как обладающую относительной самостоятельностью по отношению к фактическому порядку жизни. Это положение находит подтверждение в философии представителей баденской школы неокантианства, прежде всего В. Виндельбанда и Г. Риккерта, настаивавших на принципиальном различии между фактами и ценностями [37, с. 89]. Факты описывают пережитый опыт и могут обосновываться средствами научного познания, тогда как ценности не являются объектами наблюдения, но выражают тот смысл, благодаря которому происходящее может оцениваться как значимое или незначимое, важное или второстепенное.

В этом смысле ценности выполняют функцию нормативных ориентиров, определяющих культурную и историческую значимость, при этом особенность нормативного порядка состоит в том, что он не выводится из фактичности настоящего. Даже на основании многовекового опыта, имеющегося у человечества, невозможно вывести то, что должно иметь место, другими словами – сформировать нормы, поэтому неокантианская философия подчёркивает автономию ценностей, которые образуют самостоятельное измерение человеческого опыта, и в нём раскрывается смысл культурной и исторической деятельности [1, с. 7]. «Ценности <...> представляют собой отношения целей субъекта к свойствам объекта, могущим так или иначе обеспечить достижение и удовлетворение этих целей. Мы мыслим ценность в качестве предмета, но она в сути своей не предмет, а отношение» [16, с. 10]. Нормативность же в данном контексте выступает как идеальный горизонт, относительно которого оцениваются человеческие поступки, формы социальной организации и культурные устои.

Вместе с тем автономия ценностного порядка не означает его полной изолированности от человеческого существования. Нормативность становится значимой постольку, поскольку она соотносится с человеческой жизнью и направляет её развитие. Ценности выступают ориентирами, в свете которых человек оценивает свои действия и осмысливает собственное существование.

Если рассуждать о том, каким образом фактическое существование человека может соотноситься с нормативным порядком ценностей, следует сделать вывод, что фактичность выражает зависимость человеческого бытия от условий его существования, а нормативность задаёт идеальные ориентиры его деятельности, что, в свою очередь, порождает необходимость в категории, способной связать эти два измерения, а значит, потребность одновременно направляет человека к определённым формам реализации жизни и может рассматриваться как возможная точка соотнесения фактичности и нормативности [7, с. 247]. Однако для прояснения этого вопроса необходимо установить, может ли *потребность* быть понята как *ценность* или же она принадлежит иной сфере человеческого бытия.

Несмотря на то что в общественном и теоретическом дискурсе *потребности* нередко рассматриваются как *основания ценностей* или даже отождествляются с ними, подобное сближение требует философского уточнения. Так, в рамках немецкой неокантианской традиции ценности обладают принципиально иным статусом по сравнению с эмпирическими характеристиками бытия [25, с. 32]. Они относятся к нормативному порядку и выражают основания оценки и смысла, тогда как потребности возникают в сфере фактического бытия человека.

Здесь *ценность* в философском смысле не является ни состоянием, ни переживанием субъекта, а представляет собой *нормативный принцип*, благодаря которому определённые явления или действия могут рассматриваться как значимые. В этом отношении ценности не зависят от конкретных психологических состояний человека и не сводятся к его индивидуальным предпочтениям. Именно поэтому представители баденской школы неокантианства подчёркивали, что ценности не могут быть объяснены через потребности или интересы субъекта, но обладают собственным смыслом, относительно которого оценивается фактическая действительность [37, с. 89].

Вместе с тем подобное строгое разграничение *факта* и *ценности*, характерное для неокантианской философии, оставляет открытым вопрос о тех структурах человеческого существования, через которые фактическая сторона жизни соотносится с нормативными

ориентирами. Если ценности обладают автономным статусом и не выводятся из эмпирических фактов, то возникает вопрос о том, каким образом фактическая сторона человеческого существования может соотноситься с нормативными ориентирами. В этом контексте потребность приобретает особое философское значение, поскольку указывает на то пространство, в пределах которого фактическая обусловленность жизни соотносится с возможными формами её культурной и ценностной реализации. Но такое различие не означает полного разрыва между потребностями и ценностями. Потребности не тождественны ценностям и не могут служить их непосредственным основанием, однако именно через них человеческое существование оказывается ориентированным на такие формы жизни и деятельности, которые могут быть оценены в свете нормативного порядка [26, с. 11].

Потребность, напротив, первоначально связана с фактическим состоянием, выражает зависимость человека от условий его жизни и фиксирует ситуацию нехватки, требующую восполнения [12, с. 23]; её исходным основанием остаётся структура человеческой зависимости и несамодостаточности [44, с. 38]. Если бы потребность была ценностью, она обладала бы нормативным характером и выступала бы как идеальный принцип, определяющий должное. Однако это не соответствует её философскому статусу. Потребность указывает не на то, что должно быть признано ценным, а на состояние, в котором человек обнаруживает зависимость от определённых условий существования. Таким образом, она не может служить непосредственным основанием нормативных принципов и не совпадает с ценностным порядком [24, с. 131].

Потребности также могут осмысляться и интерпретироваться в контексте культурных и ценностных ориентаций, в результате чего потребность оказывается включённой в пространство нормативных значений, но сама не является ценностью [44, с. 39].

Следовательно, философское различие между *потребностью* и *ценностью* позволяет уточнить статус потребности в структуре человеческого бытия, поскольку она возникает в сфере фактичности и выражает зависимость человека от условий его существования, однако одновременно соотносится с нормативным порядком ценностей, в рамках которого определяется смысл действий субъекта. В этом смысле потребность может быть понята как категория, находящаяся на границе фактического и нормативного измерений и связывающая фактичность с ценностным порядком человеческой жизни.

Онтологический статус потребности в философии русского неокантианства

В русской неокантианской традиции проблема соотношения фактичности и нормативности получает особое развитие, отличающееся от её постановки в немецком неокантианстве. Если представители марбургской и баденской школ рассматривали прежде всего методологические основания различия между фактами и ценностями, стремясь обосновать автономию научного познания и нормативный характер суждений [8, с. 48], то русские мыслители перенесли данную проблематику в сферу анализа человеческой личности.

В немецком неокантианстве различие между сущим и должным выступало главным образом как принцип философии науки и теории познания, тогда как в русской философской традиции оно приобретает более широкий онтологический и культурно-философский смысл [40, с. 400]. Подобное смещение акцента связано с тем, что русские неокантианцы рассматривали человека не только как познающий субъект, но как личность, включённую в пространство истории и культуры, поэтому в этой перспективе проблема нормативности перестаёт быть исключительно теоретическим вопросом философии познания.

В философии С. И. Гессена проблема нормативности получает особую интерпретацию, связанную с пониманием субъекта как носителя культурной задачи. В отличие от трактовок, в которых ценности рассматриваются преимущественно как нормативные принципы, Гессен выявляет их связь с деятельностью человека и подчёркивает, что индивид раскрывается через приобщение к культурным ценностям, которые выступают не внешними предписаниями, а задачами духовного формирования⁹. Наше существование, таким образом, не сводится к совокупности эмпирических состояний или фактов, поскольку оно всегда ориентировано на реализацию определённых культурных форм и смыслов [12, с. 23], а человек, в свою очередь, является не только фактическим существом, включённым в природные и социальные условия, но и индивид, призванный участвовать в духовной жизни общества [14, с. 235].

Подобная трактовка предполагает особое понимание нормативности, которая по отношению к человеку предстает не как внешнее предписание или совокупность абстрактных правил, а как задача, достигаемая в процессе деятельности. То есть ценности, рассматриваемые Гессеном, не реализуются сами по себе, но требуют активного участия личности, способной воспринимать их и воплощать в собственную жизнь. Благодаря осознанной деятельности человека,

⁹ Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 447 с.

ценности обретают реальные формы и становятся вмещением человеческого опыта. В такой перспективе бытие предстает как пространство, пригодное для становления личности.

Человек не просто существует в определённых природных и социальных условиях, но постоянно сравнивает своё фактическое положение с ценностными ориентирами, через которые фактическое существование приобретает направленность и смысл. Личность становится частью культуры, в которой она выступает не только носителем социальных ролей, но и субъектом деятельности. Такое понимание нормативности позволяет по-новому рассмотреть фактические условия жизни – природные, социальные и исторические, которые не исчезают и не отменяются нормативными требованиями, однако могут быть преобразованы и осмыслены, и личность в данном контексте выступает точкой отражения как фактичности, так и нормативности; посредством деятельности фактическое существование человека соотносится с культурными формами и приобретает определённое направление.

В этой перспективе становится возможным по-новому рассмотреть и проблему человеческих потребностей. Потребности могут быть поняты как структуры, через которые фактическая сторона человеческого существования включается в пространство культурных задач и направляет человека к определённым формам культурной реализации, благодаря чему формируются нормативные горизонты. Однако они не остаются исключительно проявлением природной необходимости, следовательно, потребности могут рассматриваться как особые категории, стоящие между фактичностью и нормативностью.

В философии В. Э. Сеземана важное место занимает анализ *структуры человеческого опыта*. Сеземан стремится показать, что человек не просто находится в мире и подчиняется его условиям, но воспринимает и осмысляет происходящее через собственный опыт, а его существование не может быть понято исключительно как совокупность объективных фактов или внешних обстоятельств. В этом опыте различные стороны действительности приобретают определённое значение и направленность, благодаря чему бытие раскрывается не только как фактическая данность, но и как переживаемая и осмысляемая реальность [36, с. 579].

Сеземан подчёркивает, что человеческий опыт обладает внутренней структурой, в которой фактичность существования предстает как результат переживаний и осмыслений. По Сеземану, человеческий опыт всегда включает момент анализа, благодаря которому фактичность существования обретает опреде-

ленное значение [35, с. 44]. Обстоятельства человеческой жизни позволяют постепенно научиться интерпретировать их и выстроить на их основе собственное отношение к миру. Благодаря этому человеческое существование приобретает характер осмысленного жизненного процесса, в котором формируется внутренний опыт человека.

Подобный подход позволяет провести анализ связей между фактической обусловленностью жизни и активностью человека. Сеземан показывает, что невозможно полностью объяснить человеческое существование, пытаясь понять степень внешнего или внутреннего воздействия на него или путём установления причинных связей. Существенную роль играет то, как человек переживает собственную жизнь и как осмысляет своё положение в мире, поскольку в структуре человеческого опыта обстоятельства становятся постоянными элементами, формирующими мир человека, и имеют определённое значение. В этой перспективе человек оказывается существом, которое не только зависит от условий своей жизни, но и способно осмыслять эту зависимость и корректировать собственную жизнедеятельность, благодаря чему человеческое существование превращается в динамический процесс, в котором фактическая сторона жизни постоянно соотносится с осмысленным отношением к действительности.

Обращение к философии Сеземана позволяет по-новому поставить и вопрос о потребностях в рамках неокантианской проблематики, где в соотношении фактичности и нормативности ключевым оказывается вопрос о структуре отношения субъекта к тому, что выступает для него значимым. Традиционное противопоставление *сущего* и *должного* здесь предполагает, что нормативное не может рассматриваться как надстраиваемое над фактическим содержанием, поскольку оно не существует вне той формы включённости, в которой оно переживается. Ценность не добавляется к факту, а раскрывается в специфическом способе соотнесённости субъекта с миром [35, с. 45]. В этом контексте принципиальное значение приобретает понятие установки, которое у Сеземана фиксирует не просто направленность познания, а укоренённость субъекта в определённом модусе бытия. В отличие от «точки зрения», имеющей методологический характер, установка обладает онтологическим статусом: она определяет не только способ познания, но и условия данности объекта. Именно через установку становится возможным переход от фактического к нормативному без их сведения друг к другу. Именно поэтому потребность может быть рассмотрена как фокус их сопряжения, в котором фактическое и нормативное оказываются внутренне связанными,

не утрачивая при этом своей различности. В этом контексте философия В. Э. Сеземана может быть рассмотрена как критическое переосмысление марбургского неокантианства, направленное на преодоление его односторонней ориентации на чистое мышление и учёт онтологического измерения опыта [2, с. 21].

В контексте проблемы фактичности и нормативности философия Б. В. Яковенко значима прежде всего на уровне методологического переосмысления самой фактичности. Критический и трансцендентальный подход, ориентированный на анализ условий познания, а не на фиксацию эмпирически данного, позволяет рассматривать любые феномены человеческого опыта не как самодостаточные факты, а как осмысления, уже опосредованные определёнными формами. Это означает, что и потребность не может быть понята исключительно как фактическое состояние, но включена в более широкий горизонт Сущего, которое у Яковенко мыслится как не редуцируемое к одному уровню бытия. В этом смысле потребности оказываются не просто элементами фактичности, но феноменами, требующими философского прояснения их статуса – как того, что возникает в пересечении эмпирического переживания и тех структур, которые делают его осмысленным [30, с. 41].

Такое понимание личности предполагает, что человеческое существование не сводится к простому следованию природной необходимости или социальным детерминациям. Человек способен выходить за пределы непосредственной эмпирической обусловленности, поскольку он не только живёт в определённых условиях, но и способен оценивать их и соотносить с личными ценностями. Благодаря этому человеческая жизнь приобретает направленность, которая не определяется исключительно фактическими обстоятельствами [29, с. 38].

Б. В. Яковенко исходит из того, что человек не ограничен непосредственным опытом, а способен его осмысливать. В этом смысле и потребности выступают не только как фактические состояния, но и как феномены, приобретающие смысл в более широком нормативном контексте [5, с. 90–95]. Более того, он уверен, что духовная свобода личности проявляется в способности соотносить фактические условия своего существования с более широким горизонтом духовных ориентиров [47, с. 27].

В этом контексте представляется возможным рассмотреть человеческие потребности в рамках соотношения фактичности и нормативности, опираясь на работы Б. В. Яковенко. Особый интерес представляет его труд под названием «Философия отчаяния», где данный разрыв выявлен в предельно острой форме. Яковенко показывает несостоятельность как инту-

итивного, так и рассудочного обоснования истины: интуиция лишь фиксирует содержания, не оправдывая их, а рассудок, стремясь к доказательству, уходит в бесконечный регресс. В результате ни опыт, ни мышление не обеспечивают истины как фактического содержания. Тем самым истина не принадлежит уровню фактичности, а сохраняет статус нормативного требования, противопоставленного сознанию. Это позволяет рассматривать потребности не просто как фактические состояния, а как структуры, в которых проявляется разрыв между тем, что есть, и тем, что должно быть [48, с. 257].

Таким образом, становится возможным уточнение понятия потребности: она не сводится к эмпирическому опыту субъекта, но и не совпадает с нормативным уровнем, поскольку не задаёт предписания в явном виде. Обращение к интерпретации философии Б. В. Яковенко позволяет прояснить данную позицию: предмет философии у Яковенко определяется как Сущее, которое не дано в непосредственном опыте и не раскрывается на уровне обыденной жизни, а требует специального философского постижения. Это означает, что фактический опыт не исчерпывает того, к чему направлено человеческое стремление. В этом смысле потребность может быть понята как форма направленности за пределы фактического состояния, не совпадая при этом с нормативным предписанием, но соотносясь с ним как с возможным горизонтом. В этом контексте Б. В. Яковенко предстаёт как мыслитель, соединяющий русскую и европейскую философские традиции, что подчёркивает его особое место в развитии русского неокантианства [3, с. 139].

Философские рассуждения Ф. А. Степуна представляют особый интерес в контексте анализа соотношения фактичности и нормативности, поскольку они формируются на фоне осмысления кризиса европейской и русской культуры начала XX века. В его работах центральное место занимает проблема человека как носителя ценности, существующего в условиях распада рациональных оснований и утраты смысловой устойчивости; одновременно фиксируется ситуация, в которой фактическое состояние мира утрачивает основания и оказывается пронизанным противоречиями. Степун подчёркивает, что философия должна сохранять автономию и не сводиться ни к идеологии, ни к внешним формам знания, поскольку только в этом случае она способна удерживать ценностное измерение культуры. Тем самым задаётся принципиальное различие между фактическим состоянием действительности и нормативным порядком, в рамках которого определяется значение человеческого существования [38, с. 102].

Ценность в этом контексте не принадлежит фактическому миру как его свойство, напротив, она выступает как то, что должно быть удержано вопреки фактическому состоянию, в котором возможно разрушение культурных и духовных оснований. Это особенно видно в описании кризисных форм сознания, где человек, сталкиваясь с утратой устойчивого основания, оказывается в состоянии внутренней неустойчивости и напряжения. Характерным является анализ состояния отчаяния, в котором человек «судорожно ищет твёрдой почвы» и хватается за любые основания, способные придать устойчивость его существованию. При этом возникает ситуация, в которой желаемое содержание превращается в предмет веры не потому, что оно обосновано, а потому что без него невозможно существовать. Это указывает на принципиально ненормируемый характер данного состояния: речь идёт не о рациональном выборе, а о необходимости, не выводимой из фактов.

Именно в этом месте становится возможным введение понятия потребности. Потребность здесь проявляется как невозможность существования субъекта вне определённого смыслового содержания, даже если это содержание не имеет достаточного фактического основания. Она фиксирует направленность на ценностное содержание, которое не дано, но необходимо. Ф. А. Степун развивает неокантианскую установку, согласно которой ценности имеют вневременной и надэмпирический характер, выступая источником и ориентиром культурного развития. Это означает, что ценности не выводятся из фактической реальности и не зависят от неё, а, напротив, задают направление её осмысления и преобразования. Культура в этом контексте понимается как процесс воплощения этих ценностей в исторической действительности. При этом принципиально важно, что реализация ценностей осуществляется через деятельность человека, который соотносит свою жизнь с нормативным порядком, реализует свободу воли, вносит вклад в бытие культуры. Тем самым возникает напряжение между индивидуальным существованием и универсальным ценностным порядком, требующее специального философского обоснования.

Для решения этой проблемы Степун вводит различие между индивидом и личностью. Индивид характеризуется как замкнутое, эгоцентрическое существо, лишённое подлинной связи с культурным целым. Напротив, личность определяется через способность соотносить свою жизнь с ценностями и участвовать в их реализации. Таким образом, нормативное измерение задаёт критерий различения подлинного и неподлинного существования. В этой связи особую роль играет религия, которая высту-

пает механизмом соотнесения индивидуальной жизни с нормативным порядком. Она обеспечивает связь человека с вневременными ценностями и позволяет ему осмыслить собственное существование как имеющее смысл. Тем самым религия выполняет функцию медиатора между фактическим и нормативным уровнями. Именно в этой структуре становится возможным выявление феномена потребности. Хотя Степун не вводит данного понятия в явном виде, его философия предполагает, что человек не может существовать вне соотнесения с ценностями. Это выражается в стремлении к реализации свободы, к участию в культурном процессе и к преодолению замкнутости индивидуального существования. Следовательно, потребность может быть понята как структурная характеристика человеческого существования, выражающая зависимость субъекта от нормативного порядка. Она не выводится из эмпирических условий и не сводится к психологическим желаниям, а указывает на необходимость соотнесения с ценностями как на условие осмысленного существования. Таким образом, философия Степуна позволяет зафиксировать принципиальную структуру: фактическое существование человека не содержит в себе оснований смысла, однако нормативный порядок ценностей сохраняет обязательность. Потребность в этом контексте выступает как форма связи между этими уровнями, фиксируя направленность субъекта на то, что не дано в фактическом опыте, но необходимо для его существования [15, с. 90].

В свете рассмотренных интерпретаций личности и ценностного порядка в русской неокантианской философии становится возможным уточнить онтологический статус потребности. Потребность прежде всего выражает фактичность человеческого существования. Она возникает из структуры человеческой жизни как конечного и зависимого бытия и фиксирует состояние нехватки или ограниченности, указывая на то, что человеческое существование не является самодостаточным. Через потребности проявляется включённость человека в мир природных и социальных условий, от которых зависит поддержание и развитие его жизни. Однако человеческие потребности не остаются исключительно в пределах природной необходимости. В человеческой жизни они неизбежно приобретают смысловое измерение. То, что признаётся необходимым и значимым, определяется не только биологическими условиями существования, но и системой ценностных ориентиров, в свете которых человек осмысляет собственную жизнь. Благодаря этому потребности оказываются направленными к определённому ценностному горизонту, в рамках которого определяются способы

их удовлетворения и формы их интерпретации. Тем самым потребность может быть понята как структура, соединяющая фактичность человеческого существования и нормативный порядок ценностей. Она возникает в сфере фактической обусловленности человеческой жизни, но одновременно указывает на возможность её соотнесения с ценностным смыслом. Потребность фиксирует исходную ситуацию человеческой зависимости и конечности, однако в то же время направляет человека к формам жизни, обладающим ценностной значимостью. В этом качестве она раскрывает внутреннюю связь между фактичностью и нормативностью, выступая той точкой, в которой фактическое существование человека соотносится с нормативным горизонтом ценностей.

Заключение

Проведённый анализ позволяет уточнить философский статус понятия потребности в контексте различения фактичности и нормативности. Обосновано, что традиционное понимание потребности как исключительно эмпирической характеристики человеческого существования оказывается недостаточным для её философского осмысления. Хотя потребность действительно возникает в сфере фактической обусловленности человеческой жизни и выражает зависимость человека от условий существования, её структура не исчерпывается фиксацией состояния нехватки или дефицита.

В то же время анализ категории «фактичность» позволил выявить, что потребность выступает как один из способов проявления фактической обусловленности человеческого существования, фиксирует несамодостаточность бытия и указывает на прямую зависимость человека от природных, социальных и культурных условий жизни, что позволяет отнести её к сфере фактичности и обусловленности человеческой жизни в целом.

С другой стороны, результаты проведённого исследования подтверждают, что человеческие потребности не могут быть полностью сведены к сфере фактической необходимости, но неизбежно включаются в пространство культурных значений и ценностных ориентаций, в рамках которых определяются формы их осмысления и способы удовлетворения, следовательно, потребность не может быть понята как ценность или нормативный принцип, однако оказывается направленной к ценностному горизонту.

Особое значение для проведённого исследования имело обращение к русской неокантианской философии, позволившее раскрыть проблему соотношения фактичности и нормативности, рассматриваемую учёными-философами в контексте анализа личности, что, в свою очередь, нашло отражение в работах С. И. Гессена, В. Э. Сеземана, Б. В. Яковенко и Ф. А. Степуна, труды которых позволили рассматривать потребность как структурный элемент бытия, находящийся на границе фактичности и нормативности. В данном смысле потребность может быть понята как структура, через которую фактичность человеческого существования соотносится с нормативным порядком ценностей. Такое понимание уточняет её онтологический статус и открывает возможность дальнейшего философского исследования роли потребности в структуре человеческого существования.

Особое значение для проведённого исследования имело обращение к русской неокантианской философии, позволившее раскрыть проблему соотношения фактичности и нормативности, рассматриваемую учёными-философами в контексте анализа личности, что, в свою очередь, нашло отражение в работах С. И. Гессена, В. Э. Сеземана, Б. В. Яковенко и Ф. А. Степуна, труды которых позволили рассматривать потребность как структурный элемент бытия, находящийся на границе фактичности и нормативности. В данном смысле потребность может быть понята как структура, через которую фактичность человеческого существования соотносится с нормативным порядком ценностей. Такое понимание уточняет её онтологический статус и открывает возможность дальнейшего философского исследования роли потребности в структуре человеческого существования.

Литература

1. Аршинов В. И., Минасян Л. А. Философия концепции неокантианства: взгляд из XX–XXI веков // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – № 4 (140). – С. 3–10. – EDN: KZWPKR.
2. Белов В. Н. Проблема рационального и иррационального в философской системе В. Э. Сеземана. X Кантовские чтения. Классический разум и вызовы современной цивилизации: материалы международной конференции: в 2 ч. / под ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград: БФУ им. И. Канта. – 2010. – Ч. 2. – С. 7–23. – EDN: YRYERQ.
3. Белов В. Н. Русский европеец Б. В. Яковенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2019. – Т. 23, № 2. – С. 133–144. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-2-133-144>. – EDN: QKVKYU.
4. Белов В. Н., Владимиров П. А. Русское неокантианство: опыты (само)определения и современная перспектива // Трансцендентальный журнал. – 2021. – Т. 2, № 3 (6). – <https://doi.org/10.18254/S271326680018214-5>. – EDN: KMGFQO.
5. Белов В. Н., Сальникова Т. В. Русское неокантианство: взгляд со стороны // Кантовский сборник. – 2018. – Т. 37, № 2. – С. 90–95. – <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2018-2-6>. – EDN: VJVTIM.
6. Белов В. Н. Что такое неокантианство // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 1. – С. 11–26. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-1-11>. – EDN: TRDHYV.
7. Богачева И. Г. Теоретические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Известия

Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 98. – С. 247–252. – EDN: KBYAGX.

8. Богомолов А. С. *Немецкая буржуазная философия после 1865 года*. – М.: МГУ. – 1969. – 448 с.
9. Виндельбанд В. *Избранное: Дух и история*. – М.: Юрист. – 1995. – 687 с.
10. Виндельбанд В. *Прелюдии. Философские статьи и речи*. – М.: Гиперборея: Кучково поле. – 2007. – 399 с.
11. Гавриленко Л. С., Чупина В. Б., Тарасова Т. И. *Образовательные потребности: теоретический анализ понятия // Современные проблемы науки и образования*. – 2016. – № 6. – EDN: XIBIZT.
12. Голубова М. И. *К вопросу о сущности потребностей человека в системе жизнеобеспечения // Известия УрГЭУ*. – 2012. – № 5 (43). – С. 22–25. – EDN: RBOZED.
13. Гуцин Я. Д. *Свобода, долг и нравственность в воззрениях С. И. Гессена и А. В. Вейдемана // Манускрипт*. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 703–708. – <https://doi.org/10.30853/mns210137>. – EDN: PLJOVN.
14. Данилкина Н. В. *Становление теории образования С. И. Гессена как «прикладной философии» // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина*. – 2009. – Т. 2, № 4 (1). – С. 233–241. – EDN: QAIFAP.
15. Загирняк М. Ю. *Специфика обоснования социальных феноменов в философии культуры Фёдора Степуна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2019. – № 52. – С. 85–92. – <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/9>. – EDN: BMVYKC.
16. Калинин Л. А. *Системность «Критики чистого разума» и система Канта (III) // Кантовский сборник*. – 2016. – № 1 (55). – С. 7–15. – <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2016-1-1>. – EDN: VXDWQT.
17. Кант И. *Критика практического разума*. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 177 с.
18. Кант И. *Основы метафизики нравственности*. – М.: Мысль. – 1999. – 1471 с.
19. Кассирер Э. *Философия символических форм. Том 1. Язык*. – М.; СПб.: Университетская книга. – 2001. – 271 с.
20. Коген Г. *Теория опыта Канта*. – М.: Академический проект. – 2012. – 618 с.
21. Крыштоп Л. Э. *Кант и Сюнь-цзы о злой природе человека // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. – 2015. – № 4. – С. 139–152. – EDN: VMBDCZ.
22. Леонтьев А. Н. *Деятельность. Сознание. Личность*. – М.: Политиздат. – 1975. – 304 с. – EDN: ZJUELZ.
23. Луговская Т. В., Паркайкина Г. А. *Ценностно-смысловое пространство человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2009. – № 1 (2). – С. 71–74. – EDN: MUNMWP.
24. Мантикова А. В. *Потребности и ценности как психологические конструкты и поведенческие детерминанты // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*. – 2017. – № 2. – С. 128–144. – EDN: YMJKAB.
25. Мелещенко З. Н. *Неокантианство как философская основа ревизионизма*. – Л.: Изд-во ЛГУ. – 1960. – 67 с.
26. Морозов В. А. *Совместимость человеческих потребностей и общественных ценностей (сфера услуг) // Креативная экономика*. – 2012. – № 4. – С. 10–16. – EDN: OUILQF.
27. Мясников А. Г. *Проблема разграничения природной необходимости и моральной свободы в практической философии И. Канта // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского*. – 2010. – № 19. – С. 7–13. – EDN: MBFXNP.
28. Наторп П. *Философская пропедевтика. Общее введение в философию и основные начала логики, этики и психологии*. – М.: Территория будущего. – 2006. – С. 55–118.
29. Никулина О. В. *Баденская школа неокантианства: истоки, персоналии, основные проблемы // Вестник Бурятского государственного университета*. – 2011. – № 14. – С. 36–42. – EDN: OMSFUZ.
30. Никулина О. В. Б. В. Яковенко о сущности и назначении философии // *Вестник НВГУ*. – 2012. – № 3. – С. 39–44. – EDN: PBXJFV.
31. Петрова С. И. *О смысле и значении категории «потребность» // Бюллетень науки и практики*. – 2017. – № 6 (19). – С. 255–259. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.808764>. – EDN: YSRLDV.
32. Писарчик Л. Ю. *Философия культуры и методология исторического познания Фрайбургской (Баденской) школы неокантианства // Вестник Оренбургского государственного университета*. – 2008. – № 2 (81). – С. 31–46. – EDN: JFKVVKJ.
33. Потапов М. Г. *К вопросу о современном понимании права // Теория и история права и государства*. – 2016. – № 3. – С. 11–21. – EDN: VTLEEP.
34. Риккерт Г. *Науки о природе и науки о культуре*. – М.: Республика. – 1998. – 410 с.
35. Сеземан В. Э. *Реальная установка и «чистое» (безустановочное) знание // Русские философы в Литве: Карсавин. Сеземан. Шилкарский*. – Калининград: Изд-во КалГУ. – 2005. – С. 42–72.

36. Соколова Ю. В. Проблема познания в философии В. Э. Сеземана // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 575–588. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-575-588>. – EDN: TFRDZW.
37. Спешилова Е. И. Ценностные основания познания в философии баденской школы неокантианства // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 5 (133). – С. 87–91. – EDN: QBJLGB.
38. Степун Ф. А. Сочинения. – М.: РОССПЭН. – 2000. – 1000 с.
39. Таран П. Е. Идея моральной автономии как основа учения И. Канта о праве // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2007. – Т. 20 (59), № 2. – С. 105–111.
40. Тетюев Л. И., Владимиров П. А. Нравственная проблема в русском неокантианстве: специфика становления трансцендентальной философии в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20, № 4. – С. 398–402. – <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-398-402>. – EDN: AYSYSR.
41. Тимошук А. С. Как встречаются сущее и должное // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15. Ч. 1, № 2. – С. 127–146. – <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-127-146>. – EDN: PUYITO.
42. Тютюнникова С. В., Ганжерли А. О. Социальные (общественные) потребности в системе потребностей человека // Проблемы экономики. – 2015. – № 4. – С. 260–265. – EDN: XEEXAZ.
43. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem. – 1997. – 452 с.
44. Худякова Н. Л. Потребности человека и личностные ценности как социокультурная форма их существования // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 4 (438). – С. 36–47. – <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10406>. – EDN: RWIXNA.
45. Шавеко Н. А. Российская неокантианская философия права: оригинальное развитие идей Канта или тупиковый проект? // Философский полилог. – 2024. – № 1–2 (15–16). – С. 43–50. – <https://doi.org/10.31119/phlog.2024.1-2.218>. – EDN: MFLMTW.
46. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс. – 1988. – С. 31–95, 519–523.
47. Шиповская Л. П. Смысл жизни. Человек и его потребность быть личностью // Сервис PLUS. – 2008. – № 4. – С. 25–30. – EDN: JVCNNB.
48. Яковенко Б. В. Философия отчаяния. – СПб.: Русский Христианский гуманитарный ин-т. – 2001. – С. 252–263.
49. Belov V. N. (2016) Hermann Cohen in the History of Russian Neo-Kantianism. *Russian Studies in Philosophy*. – Vol. 54. – No. 5, pp. 395–407. – <https://doi.org/10.1080/10611967.2016.1290415>. – EDN: YVQOFT. (In Eng.).
50. Hess A., Ciunova A., Negrea-Busuioac E. (2026) Rethinking Public Opinion Studies in the Digital Era: Expert Discourse on the Theoretical and Methodological Challenges of Public Opinion Research. *International Journal of Public Opinion Research*. – Vol. 38. – No. 1. – <https://doi.org/10.1093/ijpor/edag001>. (In Eng.).

References

1. Arshinov, V. I., Minasyan, L. A. (2007) [The philosophy of the concept of Neo-Kantianism: a view from the 20th–21st centuries]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [News of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences]. No. 4 (140), pp. 3–10. (In Russ.).
2. Belov, V. N. (2010) [The problem of the rational and the irrational in V. E. Sezeman’s philosophical system]. *X Kantovskie chteniya. Klassicheskii razum i vyzovy sovremennoi tsivilizatsii: materialy mezhdunarodnoi konferentsii: v 2 ch.* [The 10th Kant Readings. Classical Reason and the Challenges of Modern Civilization: Proceedings of the International Conference: in 2 parts]. Ed. by V. N. Bryushinkin. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. Part 2, pp. 7–23. (In Russ.).
3. Belov, V. N. (2019) [The Russian European B. V. Yakovenko]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy]. Vol. 23. No. 2, pp. 133–144. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-2-133-144>. (In Russ.).
4. Belov, V. N., Vladimirov, P. A. (2021) [Russian Neo-Kantianism: attempts at self-definition and contemporary perspective]. *Transtsendental’nyi zhurnal* [Transcendental Journal]. Vol. 2. No. 3 (6). – <https://doi.org/10.18254/S271326680018214-5>. (In Russ.).
5. Belov, V. N., Salnikova, T. V. (2018) [Russian Neo-Kantianism: a view from outside]. *Kantovskii sbornik* [Kantian Journal]. Vol. 37. No. 2, pp. 90–95. – <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2018-2-6>. (In Russ.).

6. Belov, V. N. (2025) [What is Neo-Kantianism]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. No. 1, pp. 11–26. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-1-11>. (In Russ.).
7. Bogacheva, I. G. (2009) [Theoretical approaches to the study of the value-semantic sphere of personality]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Proceedings: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 98, pp. 247–252. (In Russ.).
8. Bogomolov, A. S. (1969) *Nemetskaya burzhuaznaya filosofiya posle 1865 goda* [German Bourgeois Philosophy after 1865]. Moscow: Moscow State University, 448 p.
9. Windelband, W. (1995) *Izbrannoe: Dukh i istoriya* [Selected Works: Spirit and History]. Moscow: Lawyer, 687 p.
10. Windelband, W. (2007) *Prelyudii. Filosofskie stat'i i rechi* [Preludes. Philosophical Articles and Speeches]. Moscow: Giperboreya; Kuchkovo field, 399 p.
11. Gavrilenko, L. S., Chupina, V. B., Tarasova, T. I. (2016) [Educational needs: a theoretical analysis of the concept]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. No. 6. (In Russ.).
12. Golubova, M. I. (2012) [On the essence of human needs in the life-support system]. *Izvestiya UrGEU* [Journal of the Ural State University of Economics]. No. 5 (43), pp. 22–25. (In Russ.).
13. Gushchin, Ya. D. (2021) [Freedom, duty and morality in the views of S. I. Hessen and A. V. Weidemann]. *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 14. No. 4, pp. 703–708. – <https://doi.org/10.30853/mns210137>. (In Russ.).
14. Danilkina, N. V. (2009) [The formation of S. I. Hessen's theory of education as «applied philosophy»]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University]. Vol. 2. No. 4 (1), pp. 233–241. (In Russ.).
15. Zagirnyak, M. Yu. (2019) [The specificity of substantiating social phenomena in Fyodor Stepun's philosophy of culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 52, pp. 85–92. – <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/9>. (In Russ.).
16. Kalinnikov, L. A. (2016) [The systematicity of the Critique of Pure Reason and Kant's system (III)]. *Kantovskii sbornik* [Kantian Journal]. No. 1 (55), pp. 7–15. – <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2016-1-1>. (In Russ.).
17. Kant, I. (2024) *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of Practical Reason]. Moscow: Yurait Publishing House, 177 p.
18. Kant, I. (1999) *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. Moscow: Thought, 1471 p.
19. Cassirer, E. (2001) *Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 1. Yazyk* [The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 1. Language]. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 271 p.
20. Cohen, G. (2012) *Teoriya opyta Kanta* [Kant's Theory of Experience]. Moscow: Academic project, 618 p.
21. Kryshchop, L. E. (2015) [Kant and Xunzi on the evil nature of man]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy]. No. 4, pp. 139–152. (In Russ.).
22. Leontiev, A. N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 304 p. (In Russ.).
23. Lugovskaya, T. V., Parkaikina, G. A. (2009) [The value-semantic space of the human being]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice]. No. 1 (2), pp. 71–74. (In Russ.).
24. Mantikova, A. V. (2017) [Needs and values as psychological constructs and behavioral determinants]. *Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoi Sibiri* [Bulletin of Pedagogy and Psychology of Southern Siberia]. No. 2, pp. 128–144. (In Russ.).
25. Meleshchenko, Z. N. (1960) *Neokantianstvo kak filosofskaya osnova revizionizma* [Neo-Kantianism as the Philosophical Basis of Revisionism]. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 67 p.
26. Morozov, V. A. (2012) [The compatibility of human needs and social values: the service sector]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy]. No. 4, pp. 10–16. (In Russ.).
27. Myasnikov, A. G. (2010) [The problem of distinguishing natural necessity and moral freedom in Kant's practical philosophy]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo* [Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky]. No. 19, pp. 7–13. (In Russ.).
28. Natorp, P. (2006) *Filosofskaya propedeutika. Obshchee vvedenie v filosofiyu i osnovnye nachala logiki, etiki i psikhologii* [Philosophical Propedeutics. General Introduction to Philosophy and the Basic Principles of Logic, Ethics and Psychology]. Moscow: Territory of future, pp. 55–118.

29. Nikulina, O. V. (2011) [The Baden school of Neo-Kantianism: origins, personalities, main problems]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University]. No. 14, pp. 36–42. (In Russ.).
30. Nikulina, O. V. (2012) [B. V. Yakovenko on the essence and purpose of philosophy]. *Vestnik NVGU* [Bulletin of Nizhnevartovsk State University]. No. 3, pp. 39–44. (In Russ.).
31. Petrova, S. I. (2017) [On the meaning and significance of the category «need»]. *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice]. No. 6 (19), pp. 255–259. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.808764>. (In Russ.).
32. Pisarchik, L. Yu. (2008) [The philosophy of culture and methodology of historical knowledge of the Freiburg/Baden school of Neo-Kantianism]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University]. No. 2 (81), pp. 31–46. (In Russ.).
33. Potapov, M. G. (2016) [On the contemporary understanding of law]. *Teoriya i istoriya prava i gosudarstva* [Theory and History of Law and State]. No. 3, pp. 11–21. (In Russ.).
34. Rickert, H. (1998) *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [The Sciences of Nature and the Sciences of Culture]. Moscow: Republic, 410 p.
35. Sezeman, V. E. (2005) [The real attitude and «pure» attitude-free knowledge]. *Russkie filosofy v Litve: Karsavin. Sezeman. Shilkarskii* [Russian Philosophers in Lithuania: Karsavin. Sezeman. Shilkarsky]. Kaliningrad: Kaliningrad State University Publishing House, pp. 42–72. (In Russ.).
36. Sokolova, Yu. V. (2024) [The problem of cognition in V. E. Sezeman's philosophy]. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy]. Vol. 28. No. 2, pp. 575–588. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-575-588>. (In Russ.).
37. Speshilova, E. I. (2013) [The value foundations of cognition in the philosophy of the Baden school of Neo-Kantianism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. No. 5 (133), pp. 87–91. (In Russ.).
38. Stepun, F. A. (2000) *Sochineniya* [Works]. Moscow: ROSSPEN, 1000 p.
39. Taran, P. E. (2007) [The idea of moral autonomy as the basis of Kant's doctrine of law]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Yuridicheskie nauki»* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Series «Legal Sciences»]. Vol. 20 (59). No. 2, pp. 105–111. (In Russ.).
40. Tetyuev, L. I., Vladimirov, P. A. (2020) [The moral problem in Russian Neo-Kantianism: the specificity of the formation of transcendental philosophy in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Proceedings of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 20. No. 4, pp. 398–402. – <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-398-402>. (In Russ.).
41. Timoshchuk, A. S. (2023) [How being and oughtness meet]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. Vol. 15. Part 1. No. 2, pp. 127–146. – <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-127-146>. (In Russ.).
42. Tyutyunnikova, S. V., Ganzherli, A. O. (2015) [Social/public needs in the system of human needs]. *Problemy ekonomiki* [Problems of Economics]. No. 4, pp. 260–265. (In Russ.).
43. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow: Ad Marginem, 452 p. (In Russ.).
44. Khudyakova, N. L. (2020) [Human needs and personal values as a socio-cultural form of their existence]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 4 (438), pp. 36–47. – <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10406>. (In Russ.).
45. Shaveko, N. A. (2024) [Russian Neo-Kantian philosophy of law: an original development of Kant's ideas or a dead-end project?]. *Filosofskii polilog* [Philosophical Polylogue]. No. 1–2 (15–16), pp. 43–50. – <https://doi.org/10.31119/phlog.2024.1-2.218>. (In Russ.).
46. Scheler, M. (1988) [The human place in the cosmos]. *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy]. Moscow: Progress, pp. 31–95, 519–523. (In Russ.).
47. Shipovskaya, L. P. (2008) [The meaning of life. The human being and the need to be a personality]. *Servis PLUS* [Service PLUS]. No. 4, pp. 25–30. (In Russ.).
48. Yakovenko, B. V. (2001) *Filosofiya otchayaniya* [The Philosophy of Despair]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, pp. 252–263.
49. Belov, V. N. (2016) Hermann Cohen in the History of Russian Neo-Kantianism. *Russian Studies in Philosophy*. Vol. 54. No. 5, pp. 395–407. – <https://doi.org/10.1080/10611967.2016.1290415>. (In Eng.).
50. Hess, A., Ciunova, A., Negrea-Busuioc, E. (2026) Rethinking Public Opinion Studies in the Digital Era: Expert Discourse on the Theoretical and Methodological Challenges of Public Opinion Research. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 38. No. 1. – <https://doi.org/10.1093/ijpor/edag001>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Елена Юрьевна Алейникова, соискатель, научная специальность 5.7.1. Онтология и теория познания, кафедра онтологии и теории познания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

ORCID iD: 0009-0008-4436-2106

e-mail: 87053199508@mail.ru

Владимир Николаевич Белов, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии им. Г. С. Арефьевой, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0003-3833-6506, **Scopus Author ID:** 57193879125, **Researcher ID:** K-4793-2017

e-mail: belovvn@rambler.ru

Вклад соавторов:

Е. Ю. Алейникова осуществила подготовку текста, анализ источников и формулирование основных положений исследования.

В. Н. Белов осуществил научное руководство, концептуализацию исследования и редакционную доработку текста. Авторы внесли равный вклад в обсуждение результатов и утверждение окончательной версии статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026; принята в печать: 22.05.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Elena Yuryevna Aleinikova, PhD Candidate, scientific specialty 5.7.1. Ontology and Theory of Knowledge, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

ORCID iD: 0009-0008-4436-2106

e-mail: 87053199508@mail.ru

Vladimir Nikolaevich Belov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Political Science, and Sociology named after G. S. Arefyeva, National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0003-3833-6506, **Scopus Author ID:** 57193879125, **Researcher ID:** K-4793-2017

e-mail: belovvn@rambler.ru

Contributions of the authors:

E. Yu. Aleinikova prepared the text, analyzed sources, and formulated the main points of the study.

V. N. Belov provided scientific supervision, conceptualized the study, and edited the text. The authors contributed equally to the discussion of the results and approval of the final version of the article.

The authors declare no conflicts of interest.

The paper was submitted: 25.03.2026.

Accepted for publication: 22.05.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.